

ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Идеи баланса сил, национального интереса и цели в международных отношениях связаны со школой политического реализма. Не будет преувеличением сказать, что после Второй мировой войны политический реализм стал одной из господствующих доктрин во внешней политике большинства ведущих держав мира. Идеи реализма на протяжении долгого времени являются объектом пристального внимания и активного обсуждения учеными международных отношений.

Философия политического реализма имеет длительную историю, восходящую своими истоками в древнегреческую эпоху. Современные реалисты рассматривают древнегреческого ученого-историка Фукидида как родоначальника политического реализма, который придавал особое значение в конфликтных ситуациях «непосредственным причинам», основанным «на самих фактах». Стефан Уолт отмечает, что выдающимися авторами трудов по политическому реализму являются Фукидид, Макиавелли, Гоббс, Фридрих Мейнеке, Карр и Моргентау [1, с. 3].

В 400-е г. до нашей эры Фукидид написал «Историю Пелопоннесской войны» с целью просветить тех, кто хочет понять «события, которые произошли в прошлом и которые (в силу человеческой природы) будут время от времени повторяться похожими действиями в будущем». Джеффри Стерн подчеркивает, что Фукидид развил теорию межгосударственных конфликтов и попытался объяснить причины войн [2, с. 314]. Древнегреческий историк предположил, что наличие разных факторов – географического, экономического, технологического, политического, а также психологического – станут причинами роста мощи государства, тем самым вызывая угрозу для своего существования у других государств. По его мнению, результатом станет неизбежная война и установление победителем новой международной системы отношений [2, с. 314].

Дэвид Баучер отмечает, что исторический труд Фукидида больше, чем просто изложение хроники исторических событий, так как из него могут быть экстраполированы теоретические положения, которые могут послужить примером для философии политического реализма в международных отношениях. Он отмечает, что Фукидид является в некотором роде очевидным

«реалистом», который скептически относится к применимости морали в политическом мире, а особенно в мире международных отношений. Так, он показывает, что мораль в международных отношениях призрачна [3, с. 67].

Идеи политического реализма были продолжены в труде средневекового флорентийского дипломата Николы Макиавелли, написавшего в 1553 году знаменитый трактат «Государь». Макиавелли рассматривал политические отношения из практических соображений, из реальной политики и национальных интересов. В своей работе он размышлял о природе власти и советовал своим покровителем из аристократии, как выжить и процветать в опасном мире политических интриг, убийств и дипломатических предательств [4, с. 9].

Виктория Кан подчеркивает, что Макиавелли внес новшества в историю политической мысли, он пересмотрел не только схоластические понятия, но также и гуманистические понятия о подражании и представительности, пересмотр, который отразился на его представлении о политике. Сторонники гуманизма и схоластики исходят из идеалистического представления о правде. Макиавелли считал, что правителю не следует действовать, прикрываясь пиететами схоластического и христианского гуманистического идеализма. Он исходил из обратного, считая, что правителю не надо отвлекаться «на воображаемые добродетели и богоугодные дела», так как порядок и законность ни что иное, как результат человеческого действия, а не априорные объекты человеческого познания [5, с. 63].

Под макиавеллизмом понимается радикальный вид политического реализма, который применяется во внутренних и международных отношениях. Главным принципом данной доктрины считается достижение поставленных политических целей, которые оправдывают моральные и аморальные меры. Этими принципами он заслужил репутацию циничного и прагматичного теоретика властной политики, врага морали. Заслуга Макиавелли состоит в том, что он смог показать, что мораль и политика несовместимы в большинстве случаев, ибо правитель, руководствуясь исключительно благими намерениями, может нанести ущерб своему народу. В отличие от тех, кто стремился в моральный мир Святого Августина или город бога, Макиавелли стал тем человеком, который указал на недостатки мира мимолётных впечатлений и иллюзий.

Новшеством его подхода является критика основной политической мысли того времени,

как нереалистичной, а также разделение политики от этики. Тем самым он заложил основы современной политологии [5, с. 63].

Крупнейшим представителем политической философии в Средние века заслуженно считается английский ученый Томас Гоббс (1588-1683 гг.), который стремился освободить научную мысль от классического и схоластического наследия [6, с. 292]. Он предложил свободу от Церкви, города, гильдий и местных властей взамен на подчинение Левиафану. Эти идеи были восприняты в XX веке, но они не получили широкого распространения в XVII веке.

Заслуга Гоббса в том, что он отделил политику от религии. Более того, в результате его анализа о естественном законе, классическая христианская теория о естественном законе превратилась в простую констатацию общих правил, с которой людям удобно жить вместе. Благодаря Гоббсу принцип чести, или «Аристотелевское великодушие», был заменен на «удобную жизнь». Согласно Гоббсу, цель политики – это не возвышение государства, а увеличение материальных благ для частных лиц. Взамен устоявшейся средневековой мысли об обществе, управляемой с любовью, приходит гоббсианская идея том, что общество состоит из эгоистичных людей [7, с. 268].

В своей трактовке естественного закона он придает большое значение влиянию человеческих страстей, а не разума. Поэтому он считал, что раскрыл истинные причины человеческого поведения. Гоббс верил в то, что он добился успеха там, где у других не получилось, в то, что он был первым политическим философом [8, с. 397].

Гоббс утверждает, что люди, живущие в естественных условиях без общей власти над ними, способной держать их в страхе, находятся в состоянии войны всех против всех. В таких условиях очень сложно обеспечить безопасность своей жизни и сохранность имущества, в связи с этим вся жизнь находится в постоянном страхе и продуктивная работа бесполезна. (Данное утверждение использовано в качестве удобного основания сравнения абсолютного суверенитета с естественным состоянием) [6, с. 294].

Тем не менее Гоббс полагал, что война – это чрезвычайное зло, которое нужно избежать. Сам Гоббс считал, что изначальной целью правительства является уменьшение или искоренение угрозы и что проблему анархии можно решить внутри государства. По его мнению, анархия не обязательное последствие деятельности челове-

ческой природы, а случайное последствие «ошибочного мнения» отдельных людей. Государство не может избежать угрозы нападения иностранного государства, но оно может предотвратить угрозы гражданской войны путем правильного управления гражданами [8, с. 292].

Угрозу анархии, укоренившейся в человеческой природе, можно будет решить раз и навсегда созданием ужасного библейского монстра, Левиафана, то есть государства, целью которого будет только мир, при этом все остальные возможные цели подчинены этой цели. Гоббс был сторонником сильной государственной власти, которая сможет необходимыми средствами достигнуть мира и «обуздать человеческие амбиции, жадность, злобу и другие пороки» путем угрозы наказания [7, с. 593].

В тоже время Гоббс считал, что государства в отношении друг друга находятся в естественном состоянии, то есть в состоянии войны всех против всех. Следовательно, они обязаны сделать все, чтобы подчинить или ослабить своих соседей.

Началу критики утопического подхода изучения международной политики положил другой английский ученый Эдвард Халлет Карр. Многие исследователи политического реализма считают его работу «Двадцать лет кризиса: 1919-1939» классической. Труды Фукидида, Макиавелли, Томаса Гоббса, Гротиюса и Клаузевица были написаны в тяжелые времена. Книга «Двадцать лет кризиса: 1919-1939» была издана во время Второй мировой войны в 1939 году, когда в Европе разворачивались боевые действия. В своей книге Карр не акцентирует внимание на обвинение определенных лидеров в развязывании ВМВ, вместо этого он проводит анализ причин, приведших к кризису. Без этого Карр считает, что исследователь обречен на неудачу понять то, как война началась через 20 лет после подписания Версальского мирного договора в 1919 году [9, с. 62].

Карр утверждал, что международная система до сих пор главным образом состоит из суверенных государств, действующих в соответствии со своими собственными интересами. История ООН подтверждает корректность его доводов: мир между великими державами не может быть сохранен какими-либо процессами международного права, то есть увеличением законов между государствами. Державы действуют на международной арене, рассчитывая и используя баланс сил [10, с. 172].

Для того чтобы понять причины основных современных кризисов, он ссылается на рабо-

ты Фукидида. Карр подчеркивает роль страха в толковании Первой мировой войны. Следуя традиции Макиавелли и Гоббса о том, что поводом для начала войны служит собственная безопасность, которая быстро превращается в агрессию [9, с. 63].

Государственная безопасность – основной незыблемый мандат, приписывающий представителям власти защищать безопасность страны от всех других стран. Карр утверждает, что «Власть создает ту мораль, которая удобна для неё самой». Поэтому он заключает, что «мы можем отказаться от чистой утопии и бестолковых планов по мирному изменению, продиктованных мировым законодательством или мировым судом» [22, с.173]. Поэтому Карр рассматривал ООН как бесполезную организацию, нарушающую статус-кво, в которой идеализм противоречит реализму [9, с. 63].

Однако в работах Карра был ряд недостатков. Текст показывает, что Карр создал путаницу в том, в каком он отношении был к утопии и реализму. В одних местах он заявляет о «фундаментальных антитезах» между утопией и реальностью, «фатальным дуализмом» между властью и моралью и «взаимно несовместимых» элементах утопии и реальности, морали и власти. В других местах Карр начинает противоречить самому себе, говоря об «очевидных противоположных полюсах», утопических чувствах о правильном и реалистских концепциях силы, и необходимости «сочетания» утопии и реальности. Например, он считает, что в политике может сосуществовать утопизм и реализм. Далее он выступает с критикой «чистого реализма» или «последовательного реализма» в неспособности обеспечить «основных составляющих всей политической мысли». Исходя из этого он заключает, что международный порядок не может основываться на одной лишь силе, пренебрегая элементами морали. Карр завершает одну из своих книг призывом к идее распространения общества вне национальных границ. Таким образом, один из главных идеологов политического реализма современности создает путаницу в своем учении, выражая свои симпатии к противоположной теории международных отношений [11, с. 530].

Теория политического реализма, хотя и имеет свою длительную многовековую историю, введена в поле активного научного дискурса по международным отношениям дискурса только после Второй мировой войны. Роберт Гильпин отмечает, что политический реализм нашел своё наиболее полное выражение в трудах Ган-

са Моргентау (1904-1980 гг.). Проанализировав в своей книге «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир» борьбу либеральных демократий с Гитлером, Моргентау блестяще доказывает пессимистический взгляд реалиста на человеческую природу [12, с. 292].

Реалистская теория Моргентау объясняется рациональностью стремления к власти и такими концептами, как баланс сил, интересов и цели. Моргентау указывает на то, что рациональность и стремление к власти передается от людей к государству. Последовательность событий в истории объясняется реалистской школой через такое неотъемлемое свойства природы человека, как стремление к власти. В соответствии с реализмом человек – политическое существо, стремящееся и жаждущее власти. Эти свойства, в свою очередь, происходят из иррациональных источников и могут привести к иррациональному поведению. Соответственно, Моргентау рассматривает человека как анимус доминанди, то есть существо, которое, в первую очередь, выстраивает отношения с другими через власть и доминирование. Сама же власть является одной из форм психологических отношений между носителем власти и подчиненным объектом. Под властью понимается способность человека контролировать определенные действия другого человека путем оказания влияния на волю последнего. Такой вид отношений и стремление к власти порождает непрерывную борьбу, которая определяет политику и политические отношения [13, с. 42].

Моргентау приходит к выводу, что рациональность и стремление к власти играют значительную роль в международных отношениях. Он часто в своих работах рассматривает международную систему как международное сообщество. Взаимодействие на международной арене оказывает влияние на характер их поведения в отношении друг друга. В основе этой системы важную роль играют два фактора: многочисленность и антагонизм его составляющих, отдельных государств [13, с. 42].

Моргентау констатирует, что существуют два инструмента, сдерживающие насилие в международном сообществе. К первому относится концепция баланса сил, а ко второй – существование международных организаций и альянсов, тем не менее ни один из них несовершенен. В фундаментальном труде Ганса Моргентау «Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир» пишет, что поиск баланса сил неизбежное последствие необузданного жела-

ния государств достигнуть власти – стремление, которое побуждает сопротивляться политиков друг другу, потому что распределение власти является «балансом сил».

Выводы из данного труда заключаются в том, что целью баланса сил является глобальная стабильность. Сама глобальная стабильность обеспечивается путем стратификации государств на группы, которые делятся на государства-супердержавы, средние державы, бедные и слабые государства. Стабильность мира будет зависеть от сохранения такой структуры со всеми её неравенствами [13, с. 442].

Теория политического реализма предоставила богатую основу для формирования так называемого неореалистского подхода к международным отношениям. Неореализм претендует на уточнение и активизацию классического реализма путем разработки положений, основанных на увеличении независимых и зависимых переменных, а также путем интеграции классического реализма в современные рамки на основе сравнительного анализа. Теория неореализма привнесла большую строгость в реалистскую традицию, определив ключевые понятия более четко и последовательно, разработала ряд предложений, которые могли бы быть подвергнуты эмпирической проверке и исследованию. В неореализме сила остается ключевой переменной в политических отношениях [14, с. 80].

На самом деле, подход неореализма осуществляет попытку взять с классического реализма те элементы теории, которые могли бы быть адекватными в XX веке, но и связать концептуально другие теоретические усилия. Поэтому неореализм по большому счету основывается на структуре. Неореализм фокусируется на международной системе как на структуре, которая формирует политические отношения среди её членов. Для структурного реализма международная политика является больше, чем совокупность международных политик государств и внешнего баланса остальных акторов в системе. Таким образом, Кеннет Уолц утверждает, что подход неореализма основан на образцовых отношениях среди акторов в системе, которая анархична. В этом отношении, опираясь на парадигму международной политики классического реализма, структурный реализм содержит влияния этих черт структуры, которые формируют взаимосвязь друг с другом [9, с. 80].

По Уолцу, термин «структура» означает упорядоченность частей. Во внутренней политике, как известно, отношения выстраиваются в ие-

рархическом порядке, в котором единицы официально отличаются друг от друга занимаемыми уровнями власти или выполнениями функций [9, с. 81]. В отличие от этого, в международной системе нет подобных институтов. Акторы находятся в горизонтальных отношениях друг с другом, все государства формально равны по отношению друг к другу. Уолц определяет структуру принципом (иерархии или анархии), по которому она организована. Поэтому он определяет структуру особенностью функции частей. Чем более иерархична система, тем больше у неё дифференцированы функции; чем больше она анархична, тем проще она в функциональности среди частей. Наконец, структура определена распределением возможностей среди частей, включая например, то есть степень её схождения или отличия друг от друга того, какими средствами она обладает. Уолц относится к государствам следующим образом: «унитарные акторы как минимум стремятся обеспечить свою сохранность и по максимуму бороться за универсальное доминирование». Поэтому в реалистской традиции он указывает на необходимость сохранения баланса сил.

Фокус структурного реализма – упорядочение частей международной системы по отношению друг к другу. Основой анархичной системы, в силу своей структуры, – потребность члена части обеспечить себе любыми средствами выживаемость и безопасность [14, с. 82]. Уолц отмечает, что государства не являются единственными участниками международных отношений, но являются главными их участниками. Принципиально, что все государства обладают основным атрибутом, который непосредственно имеет отношение к анархичной структуре системы, а именно, суверенитет [14, с. 109].

Анализ Уолца определяется тем, что международная система действует для определения поведения своих частей в силу своей анархичной системы и полярности структуры. Вместе они устанавливают обстоятельства, в которой система должна существовать. Если меняется структура, тогда диапазон возможных последствий на взаимодействие частей меняется. В биполярной структуре существуют определенные нормы и закономерности, в рамках которых они взаимодействуют, в многополярной системе эти нормы и закономерности отличны. Структуры работают с установкой предпосылок, внутри которой части действует [15, с. 226].

Неореализм не может прогнозировать о поведении отдельных стран зарубежной политики. К. Уолц отмечает, что строгая систематическая теория «может сказать нам, какое воздействие оказывается и какие возможности появляются благодаря системам различного строения, но он не может сказать нам, как и насколько эффективно единицы системы будут реагировать на эти давления и возможности». Теория баланса сил Уолца – самый известный пример неореалистского подхода. Неореализм также охватывает гегемонистские теории войны и изменения, переход власти и теорию длинных циклов, теорию систем [13, с. 113].

Гильпин полагает, что «основная природа международных отношений за тысячелетие не изменилась. Международные отношения продолжают быть местом борьбы за благосостояние и могущество среди независимых акторов в состоянии анархии». Внутренние и международные события приводят к государствам, развивавшимся с разными скоростями, соответственно государства возвышаются и опускаются относительно друг к другу, поэтому наступают конфликты. Государства предпочитают вступать в конфликт из расчета, что выгоды от такого действия превышают расходы. В частности, международная система создается ведущей державой для своих интересов, изменения в силе ведет к борьбе за лидерство в системе. Гилпин предлагает, что эти динамики всегда применялись к отношениям среди государств, и следовательно её рамки применимы к широкому охвату человеческой истории [11, с. 15].

В целом, резюмируя развитие политического реализма как науки, можно сказать, что он значительно повлиял на теорию международных отношений. Теория политического реализма чрезвычайно удобна для применения в международных отношениях, поскольку с её помощью легко понять и решить потенциальные угрозы. Поэтому к идеям реалистов, и в частности к идеям Ганса Моргентау, не угасает научный интерес. Реализм предостерегает от некоторых либеральных принципов, как власть закона, экономическая взаимозависимость и демократия, аргументируя это тем, что перечисленные либеральные принципы часто теряют связь с реальностью государственных интересов и силы. Поэтому можно предположить, что логика реализма, получив своё бурное развитие со второй половины XX века, не потеряет свою актуальность и в XXI веке.

References

- 1 Jonathan Monten. Thucydides and Modern Realism // *International Studies Quarterly*. – Vol.50. – No.1 (Mar., 2006). – P. 3-25.
- 2 Geoffrey Stern. The structure of international society: An Introduction to the Study of International Relations. – New York: Pinter, 1995. – 314 p.
- 3 Political Theories of International Relations: From Thucydides to the Present/ David Boucher. – New York: Oxford University Press, 1998. – P. 443.
- 4 Victoria Kahn. Virtue and Example of Agathocles in Machiavelli's Prince // *Representations*. – No. 13 (Winter, 1986). – P.63-83
- 5 Gregory S. Kavka. Hobbes's War of All Against All // *Ethics*. – Vol. 93. – No.2 (Jan., 1983). – Pp. 291-310, P.292-294
- 6 Russel Kirk. The Roots of American order. Washington. – 1991. – Pp. 540
- 7 History of Political Philosophy / Edited by Leo Strauss and Joseph Cropsey.- Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 966 p.
- 8 International Relations Theory: Realism, Pluralism, Globalism, and Beyond / Paul R. Viotti, Mark V. Kauppi. – Boston: Allyn and Bacon, 1999. – 509 p.
- 9 Essays in honor of E.H. Carr / Edited C.Abramsky. – London, 1974. – 387 p.
- 10 Ken Booth. Security in Anarchy: Utopian Realism in theory and Practice // *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs 1944-). – Vol.67. – No. 3, (Jul., 1991). – P. 527-545.
- 11 Robert G.Gulpin. The Richness of the Tradition of Political Realism // *International Organization*. – Vol.38. – No.2 (Spring, 1984). – P. 287-304
- 11 Piki Ish-Shalom. The Triptych of Realism, Elitism, and Conservatism // *International Studies Review*. – Vol.8. – No.3 (Sep., 2006). – P. 441-468.
- 12 James E. Dougherty and Robert L. Pfaltzgraff, Jr. Contending Theories of International Relations.- New York, 1996. – 608 p.
- 13 Explaining and understanding international relations/Martin Hollis and Steve Smith. – Oxford, 1990. – 226 p.
- 14 Jeffrey W. Taliaferro. Security Seeking under Anarchy: Defensive Realism Revised // *International Security*. – Vol.25. – No.3 (Winter, 2000-2001). – P. 128-161
- 15 International Relations Theory for the twentieth century: an Introduction/ edited by Martin Griffith. – New York, 2007. – 185 p.